

*Моей семье, моим товарищам по работе
и моим коллегам в России*

Содержание

Пролог. «Есть захват!»	9
Глава 1. Набор высоты	11
Глава 2. Серебряные крылья	21
Глава 3. Воин Холодной войны	32
Глава 4. Выше и быстрее	46
Глава 5. Хьюстон	65
Глава 6. Первый «Джемини»	83
Глава 7. Прерванный старт	95
Глава 8. Ламберт-Филд	122
Глава 9. «Если он умрет, ты должен доставить его!»	136
Глава 10. Огненные колесницы	152
Глава 11. Шаги к Луне	174
Глава 12. «Хьюстон, сообщите миру, что мы прибыли»	187
Глава 13. Командир отряда	210
Глава 14. Жизнь и смерть на «Салюте»	231
Глава 15. За «занавесом»	243
Глава 16. «ЭПАСа не будет!»	260
Глава 17. Рукопожатие в космосе	276
Глава 18. База Эдвардс и «Красные шляпы»	301
Глава 19. Открываем дверь снова	324
Глава 20. набросок будущего	341
Глава 21. Рождение МКС	355
Глава 22. Кризисы	377
Эпилог. Год «Одиссеи»	405

Эта книга в значительной степени базируется на исследованиях и интервью, проведенных д-ром Джеймсом Александером.

Авторы хотели бы высказать благодарность за оказанную помощь генерал-майору Алексею Леонову за высказанные им соображения о советской и российской стороне космической гонки. Д-р Арнольд Никогоссян, генерал-майор Джо Генри Энгл и Анатолий Форостенко также поделились ценными взглядами.

Фотографии и другие материалы предоставили Чак Биггс; Билл Мур из Образовательного телевидения Оклахомы; Кейти Строун (отдел связей с прессой) и Глен Свонсон (исторический отдел) в Космическом центре имени Джонсона NASA; а также Грег Лайнбау и Стюарт Хоуард из Оклахомского аэрокосмического музея (г. Оклахома-Сити). Деннис МакСуини, Холли Стивенс и Марк Тиссен из Комиссии Стаффорда–Уткина помогали нам в рамках своих обязанностей и сверх того, так же как и Патрисия МакКоун и Кэрен Стоувер из FlexForce.

Особую благодарность мы выражаем нашим женам Линде Стаффорд и Синди Кассутт.

Пролог

«Есть захват!»

В 10:00 по хьюстонскому времени¹, когда мы были на свету, я увидел яркую точку — это был «Союз-19». Семнадцать минутами позже, когда мы пролетали к северу от Австралии, настало время для маневра начала заключительной фазы сближения. Ближе, ближе... к моменту, когда мы приблизились к берегам Чили, «Аполлон» в сущности уже находился в зависании относительно «Союза». Я подправил положение двигателями системы реактивного управления RCS² и продолжил смотреть в иллюминатор, где теперь мог ясно видеть «Союз-19».

Я и мои товарищи по экипажу, Вэнс Бранд и Дик Слейтон, приближались к высшей точке двухлетнего пути. Мы стали первыми американскими астронавтами, кому довелось работать и тренироваться в самом сердце советской космической программы. Прошло всего несколько коротких лет с тех пор, как я служил летчиком-истребителем и патрулировал «железный занавес». Мой советский партнер, командир «Союза» Алексей Леонов, делал то же

¹ В Хьюстоне находится американский Центр управления полетом. Хьюстонское летнее время CDT на пять часов (зимой на шесть часов) меньше Гринвичского (UTC), в то время как московское время (ДМВ) на три часа больше последнего. *(Здесь и далее примечания переводчика И. Лисова, если не указано иначе.)*

² Reaction Control System. Здесь и далее англоязычные сообщения вводятся по необходимости в случае отсутствия общепринятого русскоязычного эквивалента.

самое с другой стороны «занавеса». Работая с советскими космонавтами, сражаясь за овладение их языком, путешествуя по их миру, я перестал видеть в них врагов, не имеющих лица. Мне открылись их сложные человеческие души, старающиеся сделать максимум возможного в ужасной и очень сложной политической системе. И вот мы оказались здесь, готовые соединить два наших корабля на высоте 212 км над поверхностью Земли.

«У меня для вас два сообщения, — подал голос Дик Трули¹, капком в Хьюстоне. — Москва дает согласие на стыковку, Хьюстон дает согласие на стыковку. Теперь ваша очередь, ребята — удачи». Было утро 17 июля 1975 года, 10:46 CDT. В Москве уже наступил вечер — 18:46 ДМВ.

«Полмили», — передал я по-русски Алексею.

«Принято, восемьсот метров», — ответил он по-английски. Леонов и его бортинженер Валерий Кубасов, как и планировалось, уже закрыли люк между орбитальным отсеком и спускаемым аппаратом, надели скафандры и находились в своих креслах-ложементах. Мы тоже задраили люк в наш стыковочный модуль. По моей команде, выданной по-русски, Алексей выполнил финальный разворот по крену на 60°, чтобы «Союз» занял правильную позицию.

Мы все ближе подходили друг к другу. В какой-то момент Алексей сказал: «Том, пожалуйста, не забудь про свой двигатель». Он напоминал мне отключить те двигатели, которые смотрели вперед, в сторону «Союза». Уже сделано. Я называл по-русски отметки дальности. Пять метров, три метра, один метр, касание! «Захват», — доложил я.

«Есть захват», — повторил Алексей по-русски. Было 11:10, когда мы соединились над Атлантическим океаном чуть западнее побережья Португалии.

¹ Оператор связи с экипажем. Слово было образовано от английского capsule communicator.

Глава 1

Набор высоты

Длинная дорога вела меня в Россию и на околоземную орбиту от Уэзерфорда в штате Оклахома, где я родился 17 сентября 1930 года. Я был единственным сыном зубного врача Томаса Саберта Стаффорда и учительницы, чье девичье имя было Мэри Эллиен Паттен. Я родился очень маленьким, всего 2000 граммов, но мне посчастливилось выжить. Уэзерфорд, лежащий в 110 км на запад от Оклахома-Сити, насчитывал 2400 жителей, которые занимались хлопком, сеяли пшеницу и разводили скот. Кроме того, у нас было «градообразующее предприятие» — Государственный Юго-Западный педагогический колледж с 800 студентами.

Так уж случилось, что первая трансконтинентальная воздушная трасса пролегла точно через Уэзерфорд, как и автомагистраль № 66, служившая по совместительству главной улицей городка. Каждый день после обеда в небе над городом проходил серебристый DC-3, следующий в Лос-Анжелес через Амарилью и уже пролетевший от Нью-Йорка через Чикаго, Сент-Луис и Оклахома-Сити. Маленьким мальчиком я часто стоял и смотрел на него и — подумать только! — очень хотел летать.

Уэзерфорд был достаточно мал, чтобы знать в нем практически всех, и недостаточно велик, чтобы затруд-

нять перемещение по городу. Мы жили в пятикомнатном одноэтажном доме по адресу Уошита-Стрит, 215, в двух кварталах к югу от школ младшей и старшей ступени. Автомобиля у нас не было, да мы в нем и не нуждались.

А вот книги у нас были. Моя мама оставила работу учительницы и посвятила себя моему воспитанию. Она читала мне с самых ранних лет — читала все, от детских книжек с картинками до Библии, от сказок до отдела юмора в газетах. (Я стал тогда большим фанатом Бака Роджерса¹.) Благодаря ей я на всю жизнь полюбил чтение.

Впрочем, нельзя не упомянуть и недостатки жизни посреди прерии. Летние ночи были настолько душными, что приходилось выносить на двор раскладушки и спать прямо под звездами. (Кондиционеры в домах появились спустя много лет.) Отец знал некоторые созвездия и показывал их мне. Я смотрел на казавшуюся невероятно близкой Луну и думал о том, суждено ли человеку когда-нибудь дотронуться до ее поверхности. Я воображал, как люди когда-нибудь полетят туда, но никогда не представлял себя в главной роли.

Середина 1930-х была также временем пылевых бурь. Сначала с юга принимался дуть горячий ветер, небо краснело, а затем серело. Потом город накрывала очень плотная черная туча, и нам приходилось затыкать щели вокруг дверей и окон мокрыми полотенцами, чтобы через них не проникала летящая пыль.

Мне было еще слишком мало лет, чтобы знать о том, как фермеры теряют свои земли и начинают скитаться, но я понимал: времена настали тяжелые. У нашей семьи никогда не водилось много денег, поскольку большинство горожан откладывали лечение зубов до последнего, а когда наконец приходилось идти к дантисту, они часто платили вещами, а не деньгами.

¹ Персонаж космооперы Филипа Ноулана (1928), сохранивший свою популярность до настоящего времени.

И тем не менее мое детство было счастливым. Я носился по городу с приятелями — с Ричардом МакФетриджем, например, который жил напротив нас. И хотя мои родители (особенно мама) иногда проявляли строгость, порой они позволяли мне проверить границы допустимого. Когда мне было четыре года, например, мы посетили ферму у городка Мэй, где стояла ветряная мельница высотой 26 метров, одна из самых высоких в мире. Стоило мне ее увидеть — я сразу устремился к ней, быстро-быстро перебирая своими маленькими ножками. Я достиг лестницы и взобрался на платформу наверху — на высоте восьмизэтажного дома — раньше, чем родители заметили мое исчезновение. Никогда прежде не смотрел я вокруг с такой высоты: до сих пор помню этот вид на многие мили во всех направлениях. Изгороди, фермерские домики, низкие холмы и немногочисленные деревья западной части Оклахомы... Дул обычный устойчивый бриз, и крылья на вершине мельницы скрипели, качаясь взад и вперед. Приходилось уворачиваться от них, но я не обращал на такие досадные мелочи внимания, ведь я находился на вершине мира. Заметив меня там, родители закричали, призывая меня к осторожности. Отец уже собирался залезть наверх и забрать меня, но я завопил, что спущусь сам — что и сделал. В тот день я узнал сразу несколько вещей. Во-первых, мне нравится высота. Во-вторых, правила иногда можно нарушать. В-третьих, слезть вниз может оказаться намного труднее, чем забраться вверх.

Примерно тогда же, когда в моей жизни случилась эта мельница, на другой стороне мира, в сибирских лесах Кемеровской области¹ Советского Союза у электрика Архипа Леонова и его жены Евдокии родился мальчик

¹ Формально ее еще не существовало — Кемеровскую область выделили из Новосибирской в 1943 г.

по имени Алексей. В семье уже были дети: шесть девочек и один мальчик. Именно от старшего брата-авиамеханика и заразился любовью к небу Алексей. Но пока он рос — сначала в деревне Листвянке, а позднее в крупном городе Кемерове, — больше всего его интересовало рисование карандашом и красками. Сюжеты? Раненые солдаты, бомбометание с самолета, танковые бои. Родина Алексея отбивала вторгшегося врага.

Пока Вторая мировая война была лишь нарастающей угрозой, мы в Уэзерфорде мало думали о Советском Союзе — слишком далеко и слишком таинственном. Мой отец, очень консервативный методист, время от времени делал критические замечания о коммунизме и других атеистических верованиях. Мы также слышали о голоде, о политической борьбе и об ужасах показательных процессов, позволивших Сталину казнить старых большевиков. Наше внимание приковывал к себе Гитлер: его нацистские армии напали на Польшу, затем на Францию и в конце концов покорили всю Европу. Время было сложное, и мои родители слушали новости о ходе военных действий по радио. Я же с большим интересом смотрел киножурналы, в которых смелые английские пилоты на своих «Спитфайрах» вели бои против нацистов в Битве за Британию.

В воскресенье 7 декабря 1941 г., когда мы с мамой наряжали рождественскую елку, отец вошел в комнату и сказал, что японцы атаковали Перл-Харбор. Мне было всего одиннадцать лет, я не представлял себе, где находится этот Перл-Харбор и что собой представляет, но я понял другие слова отца: «Мы вступили в войну».

Для нас Вторая мировая означала, что в Уэзерфорде ввели карточки на продукты. Кроме того, местные ребята ушли служить в армию, и некоторые не вернулись домой. Часть Юго-Западного колледжа власти отвели под школу

авиамехаников Воздушного корпуса, таких же авиамехаников, как брат Алексея Леонова в Советском Союзе. В 60 км к востоку от нас, в Эль-Рино, находилась основная учебная база Воздушного корпуса. В ходе обучения летчики иногда практиковали взлеты и посадки в аэропорту Уэзерфорда, хотя наше травяное поле вряд ли заслуживало столь громкое имя, а я несся на велосипеде туда, чтобы посмотреть на них. Случались и интересные происшествия: однажды транспортный самолет С-46 проскочил полосу и застрял в песке за ней. Добросердечные граждане Уэзерфорда приютили летчиков на ночь — тем нужно было дождаться аварийной команды с аэродрома Тинкер в Оклахома-Сити.

Вдохновленный видами «Спитфайров» и DC-3, я начал делать модели самолетов из бальсового дерева и из бумаги. Корпуса стоили дешево, в отличие от двигателей. Когда я попросил у отца денег, чтобы купить их, тот сказал: «Я могу дать тебе денег, но ты будешь больше ценить эти вещи, если заработаешь на них сам». Так я стал разносчиком газет, доставляя *The Daily Oklahoman* и *Oklahoma City Times* подписчикам в западной половине города.

Когда мне потребовалось 20 долларов на футбольные бутсы (я играл за команду нашей школы¹), отец сказал то же самое, и я по выходным стал собирать коробочки хлопка. Работая на коленях на хлопковых полях, утирая с лица красную пыль, я больше и больше убеждался в необходимости улететь из Уэзерфорда. Я знал: если я хочу добиться успеха, то должен покинуть родные места. Когда мне исполнилось четырнадцать, моя учительница по математике Лета Спанн попросила подругу по имени Джесси Данкан прокатить меня на ее желтом двухместном «Пайпер-Клабе». Это, конечно, был далеко не «Спитфайр», но все равно самый настоящий самолет.

¹ Здесь и далее речь идет об американском футболе.

После этого полета я задался целью стать летчиком-испытателем и помочь выиграть войну. Сначала, однако, следовало окончить школу. Я учился хорошо и в трех классах неполной средней школы, и в начале старшей школы, особенно по математике, благодаря Лете Spann, с которой мы каждый год выигрывали призы на межшкольных соревнованиях Юго-Запада. Я также участвовал в организации футбольной команды, которая использовала старое снаряжение старшекласников. На втором году старшей школы я уже вырос до 183 см и весил 84 кг, и три последних школьных года посвятил футболу, играя левым полузащитником. В последнем классе меня выбрали капитаном команды.

Хотя я и выглядел взрослым, мне еще предстояло повзрослеть. Ребенком я время от времени попадал в неприятные истории. Однажды я запустил петарду в полицейский участок, а в другой раз перестрелял все фонари на улице из духовушки. (Соседи всегда знали, попался ли я, поскольку в наказание меня отправляли красить забор, как Тома Сойлера.) В старших классах, однако, я заработал проблему посерьезнее. В нашем классе, самом большом в истории школы, насчитывалось 62 ученика. Учителя просто сбивались с ног. Два преподавателя английского предпочли уволиться, лишь бы не иметь с нами дела. Чтобы снизить учебную нагрузку, окружной инспектор направил к нам д-ра Дору Мэй Митчелл, которая ранее преподавала в Учита-Фоллз в Техасе.

Она появилась в один прекрасный день 1946 года — очень строгая дама, на вид лет сорока, ростом 170 см. Я и мои приятели — Стони Локстоун и Ллойд Хедж — полагали, что сумеем очень быстро избавиться и от этой новой училки.

Желая подразнить мисс Митчелл, мы распределились по классу, и всякий раз, когда она пыталась заговорить,

мы начинали поочередно кашлять. «Пожалуйста, откройте учебники...» — «Кхек!» — «Я сказала: пожалуйста, откройте...» — «Кхек!» Мисс Митчелл продолжала говорить на фоне нашего усердного кашля, но в конце урока велела нам остаться. «Такого больше никогда не будет, — сказала она. — Я не желаю видеть ни одного из вас в школе, пока вы не явитесь с родителями». На нас троих это произвело впечатление, поверьте мне. Я перестал мешать урокам английского.

А мисс Митчелл оказала мне большое доверие: видя мой интерес к науке и инженерному делу, она позволила мне читать научный раздел воскресного выпуска *New York Times*, который приходил к ней в Уэзерфорд по почте примерно через неделю после публикации. Именно там я впервые прочитал о чудо-оружии типа нацистской ракеты V-2 и о первых экспериментах Америки на ракетном полигоне Уайт-Сэндз. Из *Times* же я узнал о том, что капитан Чак Йегер преодолел звуковой барьер на ракетном самолете X-1 компании Bell. Однако космические полеты, насколько я мог судить, все еще проходили по рубрике «веселых картинок» и юмора.

Осенью 1947 года, в последнем классе школы, Бад Уилкинсон, новый тренер футбольной команды Университета Оклахомы, ездил по штату в поисках новых игроков. Он переговорил с четырьмя лучшими игроками команды старшеклассников Уэзерфорда, в числе которых оказался и я, и предложил нам возможность попробовать себя уже в университетской команде. Я также подал заявку на полную стипендию ВМС США для оплаты обучения в университете¹ и получил ее.

¹ Стипендии видов Вооруженных сил обязывают получателя пройти курс военного обучения и по окончании университета поступить на несколько лет на действительную службу в лейтенантском звании.

Двумя годами раньше я прочел книгу «Люди Аннаполиса», и она породила во мне желание поступить в Военно-морскую академию и строить карьеру в военной авиации.

К этому времени у меня уже имелся некоторый военный опыт — в начале 1947 года я вошел в состав 45-й дивизии Национальной гвардии штата Оклахома. Несовершеннолетним запрещалось записываться на службу без согласия родителей, а мама поначалу не одобряла мою затею. В конечном итоге, однако, она решила, что служба принесет мне скорее пользу, нежели вред, и подписала документ. Впрочем, меня привели к присяге лишь спустя еще пару месяцев, а затем поручили первое задание.

На небольшой оклахомский городок Лиди примерно в 100 километрах к северо-западу от нас обрушилось торнадо, оно прошло прямо по главной улице и убило шестерых человек, многие жители получили ранения. Наше подразделение было направлено туда для охраны порядка.

Мой командир, первый лейтенант Джо Фред Лоренгл, поручил мне вести джип, не зная, что я никогда в своей жизни не сидел за рулем. Но поскольку я неоднократно видел, как люди водят машину, я счел задачу вполне посильной. Я спокойно завел джип и тронулся с места — и немедленно съехал в канаву. К счастью, ущерб был нанесен только моему самолюбию.

Следующее назначение в Национальной гвардии я отработал лучше. Летом я служил в центре управления огнем батареи С в 158-м батальоне полевой артиллерии на маневрах в Форт-Силле. Наше подразделение принимало информацию от наблюдателей и наносило на карту цели для 105-миллиметровых гаубиц. В этом деле требовалось немало математики, а я достаточно быстро делал вычисления не только с помощью блокнота и логарифмической линейки, но и в уме. Наша батарея С получила диплом выдающегося подразделения артиллерии.

Ради поступления в Аннаполис пришлось хорошенько постараться. К счастью, двое выпускников уэзерфордской школы прежних лет, Чарлз Кайгер и Билли Спрэдлинг, уже были курсантами в Аннаполисе, и они руководили моим прохождением через процесс приема. Мне требовалось направление от члена Конгресса, а им в нашем округе был Престон Педен. Мама обнаружила, что наш семейный юрист Ллойд Лоуэри знаком с Педеном, и принципиально важный контакт удалось установить. Трудностью особого рода стала годность по образовательному уровню. Для маленького Уэзерфорда школа, где я учился, считалась очень хорошей, но я понимал: моих знаний не хватит для успешной сдачи вступительных испытаний. Они были настолько строгими, что многие кандидаты сначала учились год в колледже или на специальных подготовительных курсах, и только потом шли в Аннаполис. Я же не изучал математику за пределами алгебры второго уровня, а иностранный язык в школьную программу не входил вовсе.

Чтобы преодолеть затруднение, я заказал 25-долларовый курс подготовки к экзаменам. Как только закончился футбольный сезон, я принялся заниматься дома по вечерам, часто засиживаясь далеко за полночь, и даже по выходным. Мисс Spann и мисс Митчелл оказали мне большую поддержку. Все прочие занятия пришлось прервать — и спорт, и свидания, и развлечения с друзьями.

В апреле 1948 года я сел в автобус и проехал 65 км на северо-восток, до Уатонги, где при отделении Почтовой службы США надлежало сдавать экзамен — тяжелое шестичасовое испытание. Через несколько недель, во время выпускного вечера, директор школы сказал мне, что звонила моя мама. Она вскрыла письмо из Военно-морской академии США и узнала радостную новость: я принят в курсанты с выпуском в 1952 году.

Моя учебная жизнь расцветала новыми красками, а вот в семье становилось все хуже. Еще в 1944 году у от-